

изобретательность киевским князем Владимиром «наречен бысть Кисель», которого «славный во вельможах род и доселе пребывает».³⁷ Если учесть, что Адам Кисель, наиболее видный представитель этой фамилии, был киевским воеводой с 1651 по начало 1653 г., то можно понять, почему протограф Густынской летописи и основной текст «Синопсиса» так почти-тельно относились к тому, «казацкие кости которого давно обросли польским мясом», как тогда говорили на Украине.³⁸ К этому нужно добавить, что Адам Кисель страдал настоящей манией родового величия. Даже московские бояре в официальных документах, по дипломатическим соображениям разумеется, вынуждены были признавать его легендарное родословие и величать Адама Киселя Святольдовичем (Свенольдовичем).³⁹ Несмотря на то, что авторы указанных произведений должны были, отдавая раболепную дань киевскому воеводе, всячески восхвалять Адама Киселя, Густынская летопись и «Синопсис» не сбились на фамильную хронику, а дали большие исторические полотна, последовательно проводя идею род-ственности и дружбы Украины с Россией.

Автор «Синопсиса», выбрав из русских летописей в качестве основной Густынскую, не ошибся. Густынская летопись отличается широтой взгля-дов и значительным кругом использованных источников. Она следит за историей Москвы, Византийской империи, татар и Турции, Литвы и Польши. События с XIII в. в ней изложены полнее, чем в «Синопсисе». Роль Москвы, пусть кратко, но прослежена довольно систематически, хотя главное внимание автор Густанской летописи, естественно, уделяет событиям собственно украинской истории.

Как были использованы «Синопсисом» его основные источники — «Хро-ника» Матвея Стрыйковского и Густынская летопись?

От начала и до конца книги автор «Синопсиса» старается критически подойти, конечно в меру возможностей, обусловленных уровнем развития исторических знаний и приемов исследования, к своему иностранному руководству и отечественному источнику. Спрашивается: те многочисленные изменения, которые сделаны автором в фактическом изложении собы-тий и в их толковании по сравнению со Стрыйковским и Густынской лето-писью, настолько ли велики и существенны, чтобы иметь основание счи-тать «Синопсис» произведением уже нелетописным? К какому типу истори-ческих произведений принадлежит «Синопсис» — к старому или новому, т. е. к летописному или нелетописному, составленному по «обычаю летопис-цев» или по «обычаю историков», т. е., говоря проще, к донаучному или научному?

Как доказывал, исторически обосновывал «Синопсис» необходимость воссоединения Украины с Россией? Забегая вперед, укажем на два глав-ных довода автора «Синопсиса» в этом вопросе: родство «российских наро-дов» (так он называл все славянские народы, входившие в состав древней Руси) и преемственность самодержавной власти в России.

Вначале заметим, сопоставляя последовательно Стрыйковского и Гу-стынскую летопись с «Синопсисом», что почти все ссылки первой печатной

³⁷ ПСРА, т. II. СПб., 1843, стр. 260. Ср.: «Синопсис», стр. 56, где сказано почти то же: «Человека же того, иже хитрость сию изобрете, прозваша Кисель». Далее сказано о происхождении Киселя от колена Свенельда, но опущена ссылка на то, что род Киселя здравствует и донине. Во время печатания «Синопсиса» это уже было не к месту.

³⁸ Об Адаме Киселе см.: Ив. Новицкий. Адам Кисель, воевода киевский (1580—1653). — Киевская старина, т. XIII, 1885, стр. 51—72, 204—219, 408—430, 612—638.

³⁹ См., например: Акты, относящиеся к истории южной и западной России, т. III, №№ 124, 128 и 160.